

Невидимка

Автор:

Александр Бондаревский

Невидимка

Александр Бондаревский

Как разорвать череду негативных событий? Восстановить справедливость?
Обрести новые возможности?

Главному герою – журналисту, попавшему в криминальный переплет, это удастся! Не без толики везения, конечно.

Александр Бондаревский

Невидимка

Мрачный и издерганный я шел по деревянному паркету аэропорта Осло, удивляясь, как этим норвежцам пришло в голову застелить весь аэропорт натуральным деревянным полом. Теперь мне, как и тысячам других путешественников, становилось неловко оттого, что приходится тяжёлыми и мокрыми походными ботинками шлёпать по сверкающему паркету, оставляя мерзкие, грязные разводы на этом блестящем великолепии.

Несколько минут назад наш самолет произвел посадку в аэропорту Гардэмуэн и, должен признаться, последние двадцать минут полета были ужасны.

Стоило боингу опуститься ниже уровня тяжелых, черных туч, ограждающих тихое звездное небо с огромной серебряной луной от околосемных территорий, как мне показалось, что наш самолет обрушился в преисподнюю.

Немедленно нас стало болтать из стороны в сторону, подбрасывать и опускать сразу на несколько десятков метров. Чтобы не врезаться головой в иллюминатор пришлось изо всех сил вцепиться в подлокотники. Тряска не прекращалась ни на секунду. Снаружи лил проливной дождь, ежеминутно грохотал гром, молнии били то слева, то справа. Ливень был настолько силен, что, казалось, мы не летим, а плывем, поскольку, кроме текущих по корпусу струй воды, за бортом не было видно ничего.

Какой должна быть продуманной конструкция воздушного судна, чтобы противостоять разгулу стихии! Bravo, инженерам-авиаконструкторам!

Наш самолетик был просто песчинкой, летевшей в вихре зимнего северного шторма, но летевшей направленно, и, в конце концов, мягко приземлившейся посреди снежно-водяной каши, покрывавшей взлетную полосу.

Пилот даже подрулил к терминалу, но из-за шквального ветра и наледи, рукав к самолету подвести не удалось, и пассажиры были вынуждены спускаться по обычному трапу и перебегать в здание аэровокзала расположенное в нескольких метрах. На этих-то метрах я и промок до нитки, так как дождь лил как из ведра, и теперь шел по светлым коридорам Гардэмуэна, оставляя за собой грязно-мокрый след.

Страх последних минут полёта прошёл, но сердце, возбужденное адреналином учащенно колотилось, а ноги сотрясала мелкая дрожь.

Естественным решением стала остановка у стойки ближайшего кафе.

Я скинул с плеч тяжелый рюкзак, поставил на пол. С наслаждением снял мокрую насквозь куртку – аляску и развесил на вешалке, в надежде хоть немного просушить.

Было раннее утро и прилетевшие норвежцы пробежали к выходу, торопясь к своим машинам. За семью столиками кафе не было никого, только девушка-барменша, сидя за кассой, читала книгу.

Мило улыбнувшись, она протянула мне меню и снова погрузилась в чтение.

Норвежского я не знаю, но на обороте была и английская версия, поэтому искомое слово «коньяк» я увидел практически сразу. Цены здесь кусались. Порция в сто грамм стоила столько же, сколько бутылка того же сорта в обычном городском магазине. Однако, я пребывал в состоянии, когда цена уже не имеет значения, как цена на воду в пустыне, поэтому, не мешкая, не думая, а, лишь мысленно возблагодарив небеса за возможность, заказал сотку коньяка, кофе американо и терамису.

Хеннеси живительной струей прокатился по пищеводу в желудок, кофе довершил послевкусие, а сахар немедленно взбодрил мозг. Серцебиение прекратилось, тепло и спокойствие вернулось.

– Hi! Can I sit down? – раздалось у меня над ухом

Я обернулся. Седой старичок лет под 80. Типичный скандинав. Приветливая улыбка. Серый аккуратный пуловер. Безупречная рубашка. Галстук!

– Конечно! – ответил я по-английски, отодвигая соседнее кресло, чтобы деду было удобнее сесть

Он уселся, внимательно рассматривая меня. Улыбка не сходила с его лица.

Девушка барменша принесла и поставила перед ним большую белую фарфоровую кружку кофе с густой молочной пенкой, яблочный пирог и такой же бокал коньяка как у меня.

Старичок не спеша зацепил вилочкой кусок пирога и положил в рот. Зубы его были идеально ровные и белые.

– Я Фридерик или просто Фред – представился он, протягивая руку(разговор проходил на английском, в котором я более-менее)

– Алекс, ответил я, и скрепил знакомство рукопожатием.

– Первый раз в Осло?

Я утвердительно кивнул.

- Я так и понял - радостно улыбнулся Фред - мы летели на одном самолёте. Я сидел позади тебя и видел, как ты вцепился в поручни. Сразу стало понятно, что ты здесь первый раз.

Видя недоумение на моём лице, он пояснил:

- Посадка здесь всегда такая. Летающие часто привыкли. В год может быть с десяток дней, когда садишься спокойно. В остальное время - постоянно ветра, дождь и шквальный ветер. Несомненно, норвежские пилоты - лучшие в мире. Доказательство этому - то, что я сейчас тут разговариваю с тобой об этом. Ведь я прилетал в Осло тысячи раз.

Он взял бокал и плеснул немного коньяка в кофе. Остаток пододвинул мне.

- Давай выпьем за Норвегию!

- Спасибо, я закажу сам - возразил я, и поднял было руку, но Фредерик остановил меня.

- Я за рулем! - сказал он - мне можно только чуть-чуть - и добавил по-русски:

- На здоровье!

Вышло смешно. Я уже привык, что люди, часто путешествующие, узнают национальную принадлежность по внешнему виду и нисколько не удивился.

- На здоровье! - сказал я в ответ и поднял бокал.

Мы разговорились. Оказалось, что дед каждый месяц летает к дочке в Амстердам и теперь возвращается домой в Трондхейм. Он увидел меня в самолете, понял, что я нахожусь в состоянии стресса, и решил меня поддержать, дабы не испортить моё впечатление от его прекрасной страны. Я рассказал, что собираюсь добраться до Тромсе, чтобы увидеть северное сияние (что было истинной правдой). Фред обрадовался, сказал, что это по дороге и вызвался

подвезти меня до Трондхейма на своей машине. Я не стал скромничать и согласился.

Продолжая беседу мы допили кофе, доели пироги и поднялись из-за стола в прекрасном настроении, оставив щедрые чаевые.

Фред надел свой бубляк (что значит «пуховик» – первое слово по-норвежски, которое я запомнил), я подхватил свой рюкзак, мокрую куртку, и мы отправились на парковку.

Там, в дальнем углу, деда ожидал его серебристый, полноприводный внедорожник от Вольво. Мы закинули вещи в багажник и выехали из подземелья.

Дождь на время прекратился, серый рассвет занимался под тяжелыми, набрякшими тучами, готовыми пролиться на наши головы то ли снегом, то ли ливнем. Одинокие норвежские фермы с аккуратными цветными домиками, ютились на живописных холмах, поросших лесом, справа в утренней туманной дымке угадывались очертания фьорда, слева вздымались мокрые скалы, сквозь которые были проложены многочисленные, нескончаемые туннели, протяженность которых доходила до нескольких десятков километров.

Не нарушая скоростной режим, мы неспешно катили посреди всей этой суровой красоты. Фредерик оказался большой любитель поговорить, впрочем, рассказчик он был хороший, да и жизнь его, о которой и шла речь, была насыщена и интересна.

В молодости он мечтал о карьере пилота и поехал в США обучаться в летной школе во Флориде. Получил лицензию пилота легкомоторного самолета и собирался продолжить обучение, но судьба распорядилась иначе. На вечеринке он познакомился с девушкой из общины хиппи и влюбился, раз и навсегда. Впоследствии они поженились, но перед этим несколько лет колесили по Америке в компании детей цветов, веселясь и распевая песни под гитару с парнями из Криденс. Принимали участие в легендарном фестивале Вудсток в 1969 году.

Там то, молодой норвежец и познакомился с ЛСД, галлюциногенами и прочими психоактивными веществами. Наркоманом он не стал, но увлекся химией и биологией. Вернувшись в родную Норвегию с американской женой, взялся за ум, поступил в университет, окончил его и всю жизнь «химичил» на норвежскую национальную нефтяную компанию. Заработал хорошую пенсию и теперь «химичит» дома в свое удовольствие.

Незаметно, за разговором, с несколькими остановками, добрались до Трондхейма.

Я уже собрался было выгрузаться и двигать дальше, но Фред предложил остановиться у него дома, чтобы отдохнуть и с утра отправиться в путь. Предложение звучало искренне, дед оказался жизнерадостным человеком, простым в общении, с ясным и острым умом.

– Я уже позвонил Ханне (жене) – сообщил он, заговорщически подмигнув – она ужасно рада познакомиться с тобой и даже поставила запекать индюшку в духовку. А уж индюшка у Ханны – это что-то! Пальчики оближешь!

Через десять минут мы, припарковав машину на подземной парковке, подошли к дому Фреда. Он жил в одном из многочисленных, похожих друг на друга домах-таунхаусах целыми кварталами располагающихся на холмах возле реки Нидельва. У каждого из жильцов имелся отдельный вход и небольшой приусадебный участок. Сегодня ночью шёл снег, и всё вокруг было покрыто полуметровыми сугробами, которые, впрочем, уже начинали оседать и таять.

Нас уже ждали. Не успели мы подняться на крыльцо, как двери распахнулись прямо перед нашим носом и маленькая хрупкая женщина радостно приветствовала нас на норвежском: – хай! Вурьдан горь дэ! (Привет! Как дела!)

Одета она была в просторный домашний сарафан, на ногах высокие, валяные чуни из натуральной шерсти на босу ногу. Вокруг головы повязана пестрая лента (привет хипповой молодости). Приятное лицо, обворожительная улыбка.

В общем, стало понятно, почему юный Фридерик бросил летную школу и отправился кочевать по Америке.

Бросив свои вещи в отведенной для гостей просторной комнате с огромной кроватью, и наскоро приведя себя в порядок, я явился в гостиную. Ханна и Фред уже сидели за столом с вилками в руках. Индюшка дымилась на большом металлическом блюде, наполняя воздух ароматом пряных специй.

Вкус её действительно восхищал и радовал. Особенно в сочетании с красным вином, неизвестно какого года и урожая, но потрясающе насыщенным и ароматным.

В присутствии Ханны Фред большей частью отмалчивался. Говорила, в основном, она. Старушка предавалась воспоминаниям об их путешествиях по США, а, затем, и по миру, живо интересовалась жизнью в России, моей работой, зарплатой и есть ли у меня девушка.

Узнав, что есть, облегчённо вздохнула и шёпотом сообщила, что у них соседи-гомосексуалисты и она чувствует себя как-то скованно, общаясь с ними, потому, что боится сказать что-нибудь лишнее.

Ровно в тот момент, когда я начал подумывать, что, наверно, не стоило обременять пенсионеров своим присутствием, Фредерик решительно поднялся из-за стола и, шепнув любимой на ушко, как он любит её и приготовленную ею индюшку, предложил выкурить по сигаре. Я немедленно согласился, довольная Ханна засуетилась у стола, убирая посуду, а мы спустились по довольно крутой лестнице в подвал. Там у Фреда была оборудована настоящая химическая лаборатория, которая служила не только хобби, но и средством заработка. Он работал на известную корпорацию, создавая пищевые добавки. Я попробовал порошки со вкусом хлеба, ягод, копченостей и нашел их довольно похожими на оригинал.

Когда же мы расположились в креслах с сигарами в руках возле открытого окна, лишь наполовину возвышающемся над сугробами, Фредерик отрезая сигарный кончик сказал:

– Всё это ерунда! Коммерческая, никому ненужная ерунда! По-настоящему интересно делать вещества, изменяющие возможности и свойства личности или, например, вот это! С этими словами он извлек из ящика стола металлическую круглую коробку. Внутри её оказались круглые полупрозрачные шарики размером с вишню.

– Попробуешь?

– И что же это, Фред? – спросил я – неужели ты хочешь лишить меня настоящей сигары, чтобы заменить её этой пилюлей?

Фред загадочно улыбнулся и протянул коробку мне. Я колебался, соображая, как бы, повежливей, отказаться. Психоделики и прочие активные вещества не мой конёк. Коньяк и сигары это да! Наркотикам нет.

Фредерик, видя мои метания, поставил коробку на стол и серьёзным тоном сказал:

– Алекс! Неужели ты решил, что я предложу тебе что-то вредное или противозаконное?

Во-первых, я предпочитаю соблюдать правила, а во-вторых, здоровье превыше всего. Уверяю тебя, твое сознание и самочувствие останется таким же ясным и чистым как всегда, просто откроются новые интересные возможности. Здесь минимальная дозировка, на пятнадцать минут, не больше.

С этими словами он взял одну пилюлю, положил в рот и проглотил.

Я последовал его примеру. Несколько минут мы сидели молча, выпуская ароматный дым, и поглядывая друг на друга.

– Ты хоть скажи, чего ждать-то? – поинтересовался я – может, я чего-то пропускаю?

– Терпение, мой друг! – отвечал Фред, пыхая сигарой – несколько минут необходимо, чтобы растворить желатиновую оболочку, и еще чуть, чтобы всосалось в кровь и распределилось в тканях. Очень скоро ты все узнаешь.

– Ну, пока-то я ничего не чувствую – ответил я закидывая ногу на ногу, – возможно, на меня это не действует!

Я взглянул на Фреда и подскочил в кресле. У Фреда не было головы! Зажженная сигара болталась где-то в воздухе, там, где голова и должна была быть, и даже источала кольца дыма, раскуриваясь сама по себе.

Не было и рук держащих её. Домашний пуловер Фреда сидел в кресле, а сигара витала в воздухе вокруг него.

Я оцепенел от ужаса, потер глаза руками и с удивлением обнаружил, что и моих рук тоже нет! Я, интуитивно, дотронулся пальцем до кончика носа... так и есть! Ощущения были на месте, но ни носа, ни рук не было!

– Ну, что скажешь? – веселый и спокойный голос Фредерика вывел меня из оцепенения.

– Вот, черт! – взвизгнул я – как ты это сделал?

– Делал и сделал! – отвечал пуловер Фреда – работаю над этим проектом всю жизнь. И только недавно нашел подходящую формулу. Вещество в этих капсулах меняет коэффициент преломления света в тканях и на некоторое время человеческий глаз перестает их видеть.

– Это еще не всё! – Фред поднялся, невидимой рукой открыл шкаф и пошарил на полке – Есть еще и невидимая ткань! Я получил её, смачивая натуральную белую шерсть раствором с Веществом. Вот смотри:

Он подошел к увязавшейся за нами собачке, домашней любимице, терьеру Мики.

Пёсик радостно завилял хвостом, недоуменно поглядывая на движущийся пуловер хозяина. Фред взмахнул руками, послышался шелест расправляемого полотна и Мики исчез! Слышно было, как он копошится, пытаясь выбраться из-

под накрывшего его пледа. Наконец показалась его голова, передние лапы и собачка выскочила наружу. Я наклонился и невидимыми руками нащупал невидимую ткань.

- Это потрясающе! - я смотрел сквозь невидимые руки, держащие невидимый плед - ты сделал гениальное открытие! Представь только, как можно это применить!

- Вот это то и проблема! - задумчиво ответил Фред - и чем больше я об этом думаю, тем меньше хочу предавать огласке своё изобретение.

Ты же понимаешь, я работаю не из-за денег... Их у меня и так достаточно. Я думаю о том, что применять это будут военные и криминал, а ни те, ни другие мне не симпатичны... Оппенгеймер, создав ядерную бомбу, впоследствии сожалел об этом, и говорил, что проделал дьявольскую работу. А мне не хотелось бы открывать ящик Пандоры и приобретать славу такой ценой. Я уже достаточно пожил, многое видел и желаю покинуть этот мир спокойно с чистой совестью перед детьми и внуками.

Очертания его лица медленно проявлялись, как будто краску добавляли в воду, интенсивно помешивая, и через минуту мы сидели друг против друга, как ни в чем не бывало.

- Мне пришла в голову одна мысль - вновь нарушил молчание Фридерик - я уже достаточно хорошо изучил людей и вижу, что ты человек зрелый и разумный. Возьми коробку пилюль и ткань на тестирование! Посмотри, будут ли они нужны обычному человеку в обычной жизни и для чего. И выдай своё резюме. Мне очень поможет принять решение твой свежий взгляд. Согласен?

- Я, то согласен, а как же таможня на выезде? - сомнения обуревали меня - отберут коробку, припишут контрабанду...

- Думаешь, они знают что искать? Об этом препарате знаем только мы с тобой. Даже Ханна не в курсе. Для всех остальных это всего лишь коробка с леденцами, а ткань и вовсе не видно. Она в отличие от тела не утрачивает своих невидимых свойств... В конце концов примешь одну пилюлю и пройдешь мимо поста - усмехнулся Фред.

– Вот видишь! Я ещё не дал окончательного ответа на свое участие в эксперименте, а ты уже толкаешь меня на преступление! – сделал я последнюю, вялую попытку отшутиться – Ладно! Беру!

– Вот и отлично! – Фред замял окурок сигары в пепельнице и поднялся – пойдете, коллега, наш чай и вишневый десерт ждут нас в гостиной...

Спустя пять дней аэропорт Шереметьево встретил меня обычной суетой и суровыми лицами сотрудников пограничных служб. Северного сияния я не увидел. Все три дня моего пребывания, над Тромсе висели плотные черные тучи, в которых терялась надежда наблюдать звездное небо со всеми дополнительными опциями. Я добросовестно отсыпался сумеречным днем, и бродил по улицам с наступлением темноты, трясясь от полярного холода, но не увидел даже луны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/bondarevskiy_aleksandr/nevidimka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)